

Виктория Мельникова

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Виктория Мельникова

Невеста для дофина

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2018

&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М48

Серия основана в 2011 году
Выпуск 354

Художник
Л. Клепакова

Мельникова В.
М48 Невеста для дофина: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2668-3

Все студентки магической академии в волнении: скоро придет дофин, чтобы выбрать себе невесту. Срочно! Срочно читать столичные альманахи! Срочно искать белила и косметику! Именно так думала Эвон, юная мечтательница с факультета книжной магии. Ведь ей нужно замуж за дофина не ради какой-то там любви! Только богатый муж способен помочь спасти родовое «Гнездо». А вот получится ли?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Виктория Мельникова, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018
ISBN 978-5-9922-2668-3

ГЛАВА 1

Глубоко вздохнула. Сейчас мне понадобится вся моя решимость. В конце концов, я полночи настраивалась!

— Спокойнее, Эвон! Спокойнее! Всего лишь фамилия и росчерк.

Сделала шаг вперед и замерла в нерешительности. Что-то уговоры помогли мало.

— Вы сегодня рано, мадемуазель Эвон.

Вздрогнула, едва не подпрыгнув. Классная дама. Впрочем, мадемуазель Луиза ободряюще мне улыбнулась, сразу догадавшись, что я делаю в холле перед стендом с объявлениями. Неуверенно растянула губы в ответ, радуясь, что классная дама не стала мучить меня разговорами и отправилась дальше по коридору.

«Запись на смотрины невест для его высочества». Вот так. Простой лист с такими важными словами. Ну как можно оставаться спокойной?

Сцепив пальцы, в отчаянии смотрела на доску объявлений. И что мне делать? Я, конечно, хороша, но не так, как некоторые наши девочки. У меня неплохие оценки, но до успехов Бланш и Армель далеко. Мой род насчитывает несколько веков, но богатства... Если говорить о приданом, меня переплюнет даже Виолет, чей папенька купил титул двадцать лет назад. А еще мне немножечко не хватает изящества и женской хитрости. Немножечко. Клянусь вам! Меня в академии называют «прямолинейная Эвон». Я не обижаюсь, но дедушка говорит, что слишком много позволяю подругам и просто одноклассникам. Считаю, что в этом и есть мое очарование.

Хотя если судить объективно, похвастаться мне особенно нечем: древний род, земли рядом с границей и гордость. Все. Ах, забыла! Магический дар. Девочкой я мечтала о даре цели-

тельства, но, увы, не повезло, и мне досталось умение обращаться с книгами.

Все магические академии устроены одинаково: около десятка факультетов, и только на два из них могут поступить девушки — на целительский, а также библиотекарей и архивариев. Второй не такой уж многочисленный, своих отпрысков богатенькие аристократы пытаются пристроить на более престижные. К примеру, боевой факультет, откуда дорога сразу в гвардию его величества, алхимический — не менее почетная должность криминалиста в департаменте расследований. Да мало ли куда! Все лучше, чем прозябать в пыльных архивах или библиотеках. Потому наш факультет самый малочисленный и, собственно, единственный, после которого почти никуда не устроиться представителю дворянского рода. Детям из богатых аристократических семей, конечно, не так важно получить работу с хорошим содержанием — есть диплом престижного заведения, и ладно. Особенно для девушек, нам-то и деваться некуда. Нет лекарской жилки — на целительский не попадешь, а значит, практики не будет.

Впрочем, нас, девушек, и обучают, особенно не утруждаясь, требуя значительно меньше, чем от парней. И если бы не приказ Луи Первого, почившего более трехсот лет назад, всех молодых особ по-прежнему учили бы домашние учителя, не умеющие распознать в своих воспитанницах магические способности. А магия, не раскрытая до конца, исчезает. Поэтому по достижении четырнадцати лет все юные особы разбредались по магическим академиям и университетам, чтобы не дать дару угаснуть.

Заведение, в котором учусь я, располагается на юге страны и не является самым известным или престижным, Впрочем, и в хвосте мы не плетемся. Откровенно говоря, сюда поступали те, кто не добрал баллов в королевский университет. Но меня все устраивало: всего в шестистах лье от дома, привычный климат и не самое спесивое окружение.

Конечно, мне скоро предстоит выходить в свет, подыскивать мужа хотя бы потому, что семья не выживет без материальной поддержки. К тому же крестьян на наших землях разоряют постоянные набеги из соседней Испании и стычки на границе. Да и богатыми урожаями мы похвастаться не могли, наша семья всегда жила больше за счет рудников, чем урожаяев винограда, как наши соседи.

Дедушка еще держится, но я-то знаю... дела идут ужасно. Мне бы не помешал богатый и влиятельный муж. Так что отбор — мой шанс! Ведь на нем выберут не только невесту для дофина, но и для его окружения — графов и виконтов, а может, даже для младших сыновей короля. А что? Условно под все требования, устоявшиеся веками, я подхожу: из древнего рода со стабильной магией (и дедушка, и родители, и даже младший брат обладали даром), который всегда был верен короне. За последние двести лет моя семья не участвовала ни в одном заговоре против законной власти.

Остается только понравиться его величеству. Легко ли?

Вздохнула. Непосильная задача, если рядом будет Марго или Аврора. Они притягивающие взор блондинки с жемчужно-розовой кожей, которую оберегают от прямых солнечных лучей шляпками и вуальками, а я, как и все уроженки Васконии, черноволоса и смугла. Они с точеными, чуть вздернутыми носиками, у меня же, как и у всех в нашей семье, крупный, немного хищный нос. У меня есть и достоинства: красивый разлет бровей, нежная линия губ и большие глаза. Миленькая, но не красавица.

Впрочем, я никогда не переживала по этому поводу до тех пор, пока во время последнего визита домой не увидела письма и отчеты на столе деда. Нам нужны деньги. Замку необходимо золото. Антуану еще рано жениться, чтобы надеяться поправить дела приданым невесты. Мне же... Можно было надеяться на хорошую партию и на то, что мои мольбы достигнут цели и супруг выделит на содержание замка несколько тысяч тарэ. Ведь родственникам нужно помогать, верно?

А брак по любви — ах, прошу вас, оставьте это для черни и наивных дурачков, которые верят в подобное. Ничего хорошего в этой любви нет. Это я вам точно говорю. Я уже была влюблена в восемь лет в сына графа. Когда я совершенно случайно — клянусь, что случайно! — утопила в озере дорогую вазу (мне было просто интересно, сколько воды в нее поместится), Анри выдал меня. Я надолго запомнила наказание розгами, которое получила по приказу папеньки, а любовь к графскому сыну ушла в тот же день.

А уж после поступления в академию мысли о замужестве из-за внезапно вспыхнувших чувств исчезли. Брак — это своего рода политика. Взаимовыгодный союз и надежда на мирное сосуществование. А я достаточно умна, ну или думаю, что

умна, чтобы закрывать глаза на маленькие слабости будущего мужа. Особенно если мне позволят спасти «Гнездо».

Так почему бы не дофин? Морально я уже готова даже к фавориткам, всю ночь себя уговаривала, после того как прочла объявление об отборе. Впрочем, странно, что выбор невесты для наследника дошел и до нас: обычно, как говорят, он проходил в столичном университете, где принц выбирал лучшую из девиц. Неужели там не нашлось достойной герцогини? Или дочки графа? Хотя кто знает, какие сейчас требования к кандидатам, нынешняя королева — дочь баронета и не отличается неземной красотой.

Никто не знает точных критериев отбора. Возможно, дело в совпадении потоков магии. А что, достаточно модное сейчас направление: гадалки на улицах предлагают их посчитать всем, кто заинтересуется и пожертвует на это парочку рё.

— Эвон! Ты тоже записываешься?

Вздрогнула и едва не выронила перо из рук. Армель, моя лучшая подруга, подкралась совершенно незаметно. И что ее заставило подняться в такую рань? Я привыкла встречать рассветы и потому пришла в этот ранний час, чтобы никем не замеченной оставить свое имя под объявлением. Конечно, потом его увидят. Но мне не будет так мучительно стыдно, как если вписывать себя под взглядами сотни девочек.

— Тоже? — Я удивленно выгнула правую бровь. — И ты?

— Конечно. — Армель хихикнула и, забрав у меня перо, вывела свое имя в скудном пока перечне фамилий и титулов. — Отец сразу же прислал голубя, едва дошли слухи, что дофину в столичной академии невесты по нраву не нашлось.

Улыбнулась. Ну что ж... Рядом с нашей «каменной принцессой» шансов у меня еще меньше, но если отбор проводится не только по внешним данным? И к тому же я не стремлюсь к титулу будущей королевы. Меня вполне устроит князь или граф. Да даже барон, лишь бы из свиты дофина и с большим кошельком.

Армель скептически на меня посмотрела, после чего размашисто вписала и мое имя, заставив меня поперхнуться. Как же так? Почерк настоящей леди должен быть изящен и уборист, с обилием завитушек и черточек. Я полночи тренировалась. Ведь неизвестно, что может испортить впечатление. Вздохнула. Чего уж теперь.

— Мы теперь соперницы? — Армель улыбнулась, демонстрируя ямочки на щеках, и ткнула меня пальцем в ребра.

Улыбнулась как можно дружелюбнее — мужчинам же нравятся улыбочивые девушки. Значит, будем учиться излучать положительные эмоции везде и всюду.

— Еще какие! — кивнула, разглядывая подругу.

А что? Из нее выйдет хорошая королева: красива, умна, утонченна. Маркиза! Род, конечно, не такой древний, как мой, но семь колен насчитывает (для смотрин достаточно пяти). Хотя так о себе думает каждая вторая дворянка в академии. И я не исключение. Да что там говорить — мы все тут ради выгодных партий. Конечно, каждая училась на совесть, не будет диплома — магию опечатают. Для большинства это приговор, который поставит крест на удачном замужестве. Никто не захочет лишать своих потомков шанса попробовать силы в очередных королевских смотринах. Ведь магию девушка передаст дальше своим детям. Поэтому дочерей отпускают учиться охотно, диплом с высокими оценками тоже часть приданого. А присматриваться к молодым талантливым магам в академии никто же не запрещает. Ведь так? Именно поэтому большинство дворянок к последнему курсу подходят с заветным браслетом на правой руке.

Вот они сейчас, наверное, искушали себе все губы от досады. Но заключенную помолвку просто так не расторгнуть, и получается, что значительная часть титулованных красавиц «вне игры». Кстати, надо сказать, его высочеству весьма не повезло, последние два курса (на одном из которых я) почти наполовину «заняты» местными дворянами. Хотя не удивлюсь, если завтра пойдут волной расторгнутые помолвки. Впрочем, опасное это дело — мало ли, а вдруг ни дофин, ни кто-либо из его окружения тебя не выберет, что дальше? Для всех ты окажешься девушкой, отказавшейся от своего слова в надежде уцепиться за жениха побогаче. Кто возьмет такую невесту в дом?

А условия отбора оговорены четко: девица, достигшая шестнадцати лет, без предварительного договора о заключении брака, обладающая магическим даром, из дворянского рода, в котором на протяжении не менее пяти поколений рождались только маги, без малейшего намека на участие в заговорах или бунтах против короны. Внешних, неприятных глазу, изъянов у меня тоже не было, если не считать крупный нос, но, честное слово, он меня не портил.

Но самое важное требование: девушки должны быть свободными. Ни помолвок, ни замужества. Потому первые «богини» нашей академии могли наблюдать за отбором только со стороны, что откровенно радовало. Хотя с ними не придется соперничать.

Одна из таких стоворенных красавиц, Атенаис, прошла мимо нас с Армель и, толкнув меня плечом, подошла к объявлению. Несколько минут она изучала его, в том числе перечень необходимых «достоинств».

Увидев наши с подружкой фамилии в списке, Атенаис лишь скривила губы и, бросив на нас презрительный взгляд, прошествовала дальше по коридору.

На правой руке красавицы поблескивал изящный золотой браслет, хотя большинство обходились серебром. Жених Атенаис был баснословно богат: вдовствующий герцог, правда, на целых десять лет старше ее. Почти старик! Впрочем, говорят, предыдущая его жена как-то странно ушла из жизни, но кому какое дело до женщины, которая не могла понести от мужа в течение восьми лет.

А ведь у Атенаис были все шансы стать невестой дофина, не обручась она пару недель назад: высокая, тонкокостная, словно эльф из легенд. Да и была одной из лучших на своем потоке в магии. Судьба!

Женская половина академии потихоньку просыпалась, в коридор выходили одетые и причесанные девушки. Те, что помладше — выглядели кое-как, на старших курсах уже научились обходиться без камеристок. Смирение и умение обслуживать себя — две важные составляющие обучения. По крайней мере, именно так говорит директриса.

Мы с Армель, прислушиваясь к шепоткам, поспешно отошли в сторону. Младшие девочки гудели и театрально заламывали руки: каждая из них была уверена, что именно она могла быть достойна дофина, если бы не дурацкое правило о возрасте — участие с шестнадцати лет, старшие сетовали на свои обручальные браслеты. Стать королевой хотела каждая. Хотя к чему стенания, мне непонятно. Все знают, что в двадцатилетие наследного принца устраивают отбор, обычно в королевском университете, и весной играют свадьбу. Это правило непреложно. На этом держится одна из магических составляющих королевства.

Именно в двадцать. Не раньше и не позже. Другое дело, никто не предполагал, что дофин не найдет в главном учебном заведении среди цвета дворянства своей судьбы, а потому поспешили заключить довольно выгодные союзы.

Я даже испытывала некое чувство злорадства. У меня в свое время не было шансов попасть в столичный университет, и я даже не пыталась туда поступить, сэкономив нервы и, главное, деньги дедушки. Ведь конкурс был огромен. Особенно на «женские» места. А еще у меня не было вариантов для хорошей партии, потому и нечем хвалиться перед подружками в коридорах. Но! Зато теперь я смогла вписать свое имя в список, а ни одна из красавиц, называющих нашу академию «провинциальной дырой» или с превосходством показывающих мне браслет, не могла. Естественно, я злорадно улыбалась. Не обладаю я всепрощением и смирением, как учат святые отцы. Что поделывать!

— Пойдем, Эвон, а то опоздаем либо на завтрак, либо на картографию. Месье Андрэ не интересуют причины, по которым мы задержимся, даже если это смотрины невест у дофина.

Поспешно кивнула, соглашаясь с подругой. Вот уж точно! Барон Андрэ Пуалье отличался склочным характером и считал свой предмет не только наиважнейшим среди всех преподаваемых в академии, но и наилучшим. Опаздывать на него запрещалось под страхом отработки. А отработка у месье Андрэ, скажу я вам... то еще удовольствие. Барон вечно находил самый пыльный, самый убогий и «мертвый» архив, где книги уже не откликались на магию и все приходилось делать вручную. Или заставлял собственноручно переписывать огромные фолианты. А как избежать помарки или кляксы? У меня лично не получалось никогда.

Так как мы опомнились вовремя, то могли позволить себе не спешить, путешествуя по галерее с решетчатыми ставнями, из-за которых скупно пробивался утренний свет. Коридоры нашего крыла еще были пустынными, ведь учениц на самом деле было не так уж много. Говорят, в последние несколько десятилетий девочек рождается гораздо меньше, чем мальчиков. Вещуньи предрекают близкую войну — мол, верный признак. Но какая война? На наших границах уже много веков стоит королевский купол, который надежно охраняет страну. Редкие набегі бывают, но это отчаявшиеся от голода крестьяне из сосед-

ней Спаний, а не регулярные войска. Уж армию-то магия не пропустит.

Все завтракали в академии в общем зале. Что было едва ли не единственным местом общения девушек с парнями. Не могу сказать, что меня это радовало, так как все парни — вредные, шумные и глупые существа. Особенно те мальчишки, что помладше. С ними совершенно невозможно общаться. Я точно знаю, потому что только на нашем факультете обучают вместе, в нашей группе восемнадцать девушек и шестеро парней.

Обеденный зал был огромен, многочисленные столы ломились от яств. Девушки обычно занимали самые правые столы в помещении рядом с высокими, под потолок, окнами, это было неписаное правило, которое соблюдалось уже не одно столетие. На небольшом возвышении располагались места для преподавательского состава.

Сидеть около окна было плохо, изо всех щелей дуло. Когда-то королевский замок, отданный еще до смуты под академию, был старым, сложенным из огромных каменных глыб сооружением, а потому продувался всеми ветрами. И если к концу первого курса свои спальни ученики умудрялись заговаривать заклинаниями, то с учебными и техническими помещениями так не получалось, слишком обширны были площади.

Поежилась от очередного ветерка в спину и села на краешек стула, чтобы не так дуло, прислушиваясь к разговорам соседок.

Естественно, за столом было шумно. Девушки забыли о еде и перешептывались, изредка отпивая тыквенный сок или воду. Все обсуждали дофина и его свиту. Каков он — наследник трона? Амели, первокурсница с целительского факультета, в прошлом году ездила с матушкой в столицу и теперь, гордо надув щеки от всеобщего внимания, вспоминала, как выглядит дофин.

— А глаза? Глаза какие?

— Темные! — уверенно ответила Амели, намазывая тост гусиным паштетом. — Такие, что глянет, и ух! Сердечко затрепало.

— А рост? Высокий?

— Выше меня уж точно! На шесть ладоней выше. Не меньше. А я еще в новых туфлях была, знаете, такие, на высокой подошве...

— На шесть ладоней! — возбужденно зашептались девочки, прекратив слушать Амели, пока та рассказывала, какие именно туфли были на ней.

— А дофин — брюнет или блондин? — хрипло поинтересовалась смуглая, как и я, Лиаль.

Все замерли в ожидании. Даже, кажется, дышать перестали.

— Конечно, блондин! Ты что, портретов не видела? — возмущенно зашипела голубоглазая Ильма, с негодованием посмотрев на Лиаль. — Нельзя спросить что-то более важное?

Портреты, естественно, видели все. Миниатюры дофина и все альманахи с изображениями королевской семьи были раскуплены еще позавчера, когда появился слух, что его высочество едет к нам. Но услышать хотелось от очевидца. Мало ли? Может, художник основательно польстил Луи-Батисту. А дофин кривой и косой. Впрочем, это все равно не уменьшило бы количество желающих выйти за него замуж.

— Блондин! — важно кивнула Амели. — И волосы такие длинные, до лопаток. И блестят! Словно на мед на солнышке глядишь.

— Липовый или гречишный?

— А правда ли говорят, что у него голос, как у соловья?

— Правда или врут, что он утончен и изящен, как девушка?

Вопросы сыпались со всех сторон. У меня даже голова заболела от галдежа.

Парни за соседними столами тоже прислушивались к нашим разговорам, но скорее с недовольством. Конечно, кому понравится, что они перестали быть центром внимания? Никому. Вот и парни с боевого факультета злились, но о завтраке не забывали.

— А свита? — Я впервые подала голос. — Говорят, у дофина есть «компания по интересам».

В свою возможность завоевать сердце принца я не верила. Куда уж мне. Может, у Армель и были шансы, а у меня точно нет. Но вот свита... богатенькие наследники родовитых семейств. Я же могу понравиться, скажем, наследнику герцога Акатанского? А что? Главное, очаровать, чтобы у него возникло желание помочь дедушке и брату.

Девочки, видимо придя к тем же выводам, жадно уставились на Амели. Первокурсница, чувствуя свою важность, надулась еще сильнее.

— Да! Рядом с дофином всегда пятеро юношей!

Пять! Великолепно! Конечно, и претенденток явно не три, но шансов-то гораздо больше, чем с одним. Ах, жаль, что мы все-таки не в столице — ведь можно было бы найти информацию о том, какие девушки нравятся спутникам дофина, возможно, ароматы... Никогда не любила эти «вонючки», но для благого дела... можно и потерпеть пару недель.

— Амелия! Немедленно остановись!

Все дружно обернулись в сторону входа. Амелия, одна из главных красавиц академии, стремительно вбежала в обеденный зал. За ней, пытаясь ухватить девушку за руку, ворвался юноша с факультета некромантов, принадлежность к которому выдавали кушак и шарф на шее. Молодого парня знали все: талантливейший некромант Жан-Клод в этом же обеденном зале год назад сделал предложение Амелии, и она согласилась. У юноши были хорошие перспективы, несмотря на небольшой титул, — всего лишь барон, зато отца Жан-Клода король прибил к себе. Дорогого стоит.

Сейчас же юноша был взволнован и возбужден, он пытался ухватить разозленную красавицу за руку или за край плаща. А в руках парня... Все в столовой ахнули. Обручальный браслет! Неужели Амелия разорвала помолвку, чтобы записаться на отбор? Невероятно!

— Между нами все кончено! Все! Точка!

Даже я не поверила словам девушки. Она говорила чуть не плача, отвернувшись от жениха, чтобы он не видел ее покрасневших глаз. Неужели Амелию заставили?! Я точно помню, что ей пришло письмо вчера вечером: наши с целительницей комнаты расположены по соседству, и я видела, как комендант (неслыханное дело!) принесла ей корреспонденцию. Неужели отец? Бедная Амелия!

Жан-Клод застыл статуей, сжав руки в кулаки. Впрочем, доставлять нам удовольствие разглядывать свое побледневшее лицо парень не стал — выбежал вон подобно вылетевшему боевому заклинанию. Несчастный влюбленный.

Амелия под взглядами всех студентов подошла к нашим, девичьим, столам и села, ссутулив плечи. Девочки, которые оказались поближе к целительнице, вскочили со своих мест и окружили убитую горем девушку, поглаживая по голове. Всем было жалко Амелию. Вот и первые жертвы еще до приезда дофина. Все вокруг словно с ума посходили.

Ни я, ни Армель со своих мест не поднялись. И не потому, что мы такие бессердечные, просто там все равно не было места еще для двух жалельщиц. Да и пары у месье Андрэ никто не отменял. Именно поэтому мы быстро закончили завтрак и направились к выходу.

В обеденном зале стояла тишина, парни подозрительно вглядывались в лица своих избранниц, обращая внимание на их руки, проверяя наличие обручальных браслетов, девушки тоже примолкли. Даже вновь радостно защебетавшая Амели не вернула интереса к обсуждению персоны дофина.

На пару мы попали вовремя, чего не скажешь обо всем нашем потоке. В лекционном зале было занято лишь несколько рядов — половина наших задерживалась, видимо, заболтались, обсуждая его высочество.

Преподавателю благодушного настроения полупустая аудитория не добавила. Месье Андрэ, грузный мужчина лет сорока, разозленно захлопнул дверь, закрывая опоздавшим вход. Все, если двери закрылись, то теперь только отработка. Что странно — сегодня учитель не кричал, не топал ногами и не брызгал слюной, называя всех, кто не пришел, неблагодарными свиньями, на обучение которых он тратит свое драгоценное время, вместо того чтобы писать работу для Королевского научного центра. Все негодование месье Андрэ свелось к тихому бурчанию, которое мне удалось разобрать только благодаря тому, что мы с Армель сидели в первом ряду.

— Оболтусы! На кого я трачу свое время? Несчастные студенты, которые не в состоянии оценить всей красоты картографии и архивного дела.

В чем заключалась красота, мне было не понять. Но я благо-разумно молчала, как и остальные, кто слышал это тихое негодование. Никому не хочется получить два раза широкой лентой по рукам за высказывание с места без разрешения.

— Итак, сегодня мы поговорим о картографии. Те из вас, кто решит избрать это своей специализацией в будущем, должны слушать предельно внимательно. Остальные же обязаны знать хотя бы азы, чтобы заставить карту ожить.

Помните, я говорила, что устроиться на работу после окончания моего факультета тяжело? На самом деле я лукавила. Трудностей нет. Магические карты, архивы и картотеки есть в любом серьезном заведении, государственном и частном, но оклады там достаточно маленькие. Так что на эти должности

идут лишь младшие безземельные сыновья или же разорившиеся аристократы. Если, конечно, не повезет устроиться в приличное ведомство. Впрочем, девушек туда не берут. Да и кто позволил бы мне работать?

Месье Андрэ между тем разложил на столе карту Франкии и склонился над выделанной кожей. Легкое касание за уголки, дуновение в самый центр, и карта стала оживать: на юге поднялись горы, украшенные снежными шапками, с севера и запада заплескался океан, даже крошечные виноградники угадывались на юге Васконии.

Аудитория ахнула от подобной красоты. Далеко не все видели «живые» карты: не каждый лорд мог позволить себе подобное чудо. Ведь для активации требуется маг-архивариус. И точность карты напрямую зависит от дара заклинателя. Тот, кто послабее, лишь оживляет картинку, а наиболее сильные способны показывать на ландшафте еще и фантомы людей и животных. Говорят, именно так придворный картограф видит засады разбойников в лесах.

— Помните, господа, живые карты делают только из шкуры молодых, не старше двух лет, коров и телят. При ее выделке следят за тем, чтобы не использовались агрессивные щелочи. Существуют целые районы, специализирующиеся на выделке шкур для магических карт. На неделе, я думаю, мы с вами совершим экскурсию, чтобы посмотреть на процесс изготовления.

В абсолютной тишине скрипели перья. Это усердствовали мальчики, оно и понятно: большинство уйдет на картографию после зимнего солнцестояния, а вот девочки были неестественно тихие. Неужели и их увлекло? Украдкой обернулась и посмотрела, чем заняты соседки. С облегчением вздохнула, почти каждая рассматривала альманах с описаниями родов высшей знати.

— Чернила. Для живых карт используются только с добавлением толченого фиалкового корня. Не менее унции! Мы с вами попробуем нарисовать несколько простеньких карт после того, как изучим процесс приготовления чернил на следующем занятии и посетим квартал кожевников.

Девочки поморщили носики. Еще бы! Вот-вот приедет дофин, а им тащиться в грязный рабочий квартал. Я подобными предубеждениями не страдала. «Гнездо на скале» — наш семейный замок очень старый, и в него зимой частенько загоняют до-

машнюю скотину. Мне не привыкать к плохим запахам, все нижние ярусы «Гнезда» пахли в холода совсем не розами. Подумаешь!

— Запишите состав чернил. Естественно, я имею в виду общую основу, помимо цветного красителя. А также закрепляющее заклинание.

Не могу сказать, что месье Андрэ вел занятия не интересно. Скорее, монотонно и скучно. Но сегодня мне хватило очарования живой карты, чтобы слушать лекцию с удовольствием. Обязательно сделаю карту прилегающих к «Гнезду» земель. В прошлом году на черчении мы проходили основы картографии, и я добилась определенных успехов. Уверена, все должно получиться! Если холст будет совсем маленьким, то, думаю, у меня даже поднимутся участки предгорий и потечет река. Надеюсь, дедушка будет счастлив.

Для меня урок пролетел незаметно, и потому звук колокола стал неожиданностью. Жаль прощаться с живой картой. Украдкой погладила краешек свитка, когда мы с Армель уходили. Конечно, от учителя не укрылось мое движение, но он промолчал.

В коридоре стоял гомон — даже голова разболелась. Сегодня все были возбуждены больше обычного, обсуждали предстоящие смотрины принца. Девочки — с восторгом, мальчики — с досадой. Ведь через несколько месяцев, в день зимнего солнцестояния состоится бал, а попробуй найди себе пару, если у всех девушек на уме только дофин.

И подумать только — впереди еще три пары: этикет, библиография и азы алхимии. Возможно, нам сегодня расскажут о магических красках? Молодая преподавательница леди Анжелика, появившаяся в академии сразу после столичного университета, была хороша собой и рассказывала весьма увлекательно.

Этикет я не любила — тем более у нас тут, на юге, относились ко всем этим «расшаркиваниям» проще, частенько игнорируя не только реверансы. Например, в нашей академической форме отсутствовал корсет. Правда, как заверяли местные врачи, по иным причинам, но я видела столичных студенток — все сплошь в корсетах.

Сэр Шарль наверняка удивится моему послушанию и прилежанию. Он приехал в нашу глушь после какого-то скандала при дворе короля, с тех пор ведет у нас этикет и дуэльный ко-

декс у мальчиков. Самый нелюбимый мой преподаватель, но придется потерпеть. Из-за предстоящего приезда дофина я сегодня собираюсь быть самой прилежной ученицей

А библиографию... ну, можно пережить. В конце концов, не самый скучный предмет, если нам снова разрешат взять любую из секций библиотеки и составить ее каталог. Я даже знаю, что выберу — историю королевской семьи. Во всем нужна система. Стоит хорошенько рассмотреть всех королей. По какому принципу их выбирали?

И окружение. Насколько я помню занятия по истории, фаворитов у дофина всегда пятеро. Что за магическая цифра? И правда ли, что их свадьбы играют на следующий день после брачной церемонии принца? Если это так, может, и для них есть какие-то требования. А какие? Надо подробно изучить, зря, что ли, эти сведения собирали веками? Умный — найдет. Я же умная? Умная. А значит, подготовлюсь лучше других.

Потом побегу в женский корпус посмотреть на список. Он провисит ровно три дня, после чего его «закроют», придет дофин и начнутся испытания. Не зря девочки носят как угорелые, посылая голубей родителям. Платья, фамильные украшения... Глупые! Будто в стенах академии им разрешат что-то, кроме формы и воротничков.

Улыбнулась, взглянув на подругу. Мне надо обязательно озвучить ей свою мысль: вдруг повезет и мы выйдем замуж за кого-то из свиты дофина? Тогда будем видеться регулярно. А то «Гнездо» уж очень далеко от поместья Армель.

Увы, разговор пришлось отложить. Мэтр Шарль Готье, естественно, знал о скором приезде дофина, а потому сегодня нас безбожно гонял.

— Глубокий реверанс, мадемуазель! Я сказал глубокий!

Через силу улыбнулась и попробовала повторить. Но, увы, скромное ученическое платье не способствовало подобным акробатическим этюдам. Хотя, может, проблема во мне? У Армель же получилось это совершенно дурацкое приседание. И кто придумал глупость приветствовать дофина глубоким реверансом?

— Итак! При личной встрече с его высочеством вам нужно запомнить несколько простых правил, — размеренным голосом начал мэтр Шарль, проходя мимо нас, застывших в глубоком реверансе. — В присутствии дофина запрещено сидеть без разрешения.

У меня толком ничего не получалось. Завидую мужчинам, они всего лишь склонились в поклоне. Достаточно низким, но не в реверансе же. У меня правда не хватает изящества для танцев и сложных па. Надеюсь, это не помешает мне найти достойную партию. Я буду стараться! Наверное, именно поэтому, вместо того чтобы прекратить свои мучения и распрямиться, заработав тем самым дежурство на голубятне, я пытаюсь уместиться удобнее. Возможно, если юбка будет пышнее, я смогу правильно поставить ноги.

— Если дофин будет благоволить вам, то разрешит присесть на табурет.

Вздыхнула. Табуреты в академии жуть какие неудобные. Высокие, на тонких ножках. На такие никак изящно не забраться. Надо потренироваться на днях. Может, именно мне повезет заслужить честь посидеть на табуретке?

— Однако, играя в настольную игру, сидеть вы можете.

Учитель подошел ко мне и, вздохнув, постучал линейкой по спине. Ровнее? Куда уж ровнее-то?

Впрочем, мысли уже отвлеклись на игры. Я любила настольные игры «Юный граф», «Захват державы». Забавы подобного рода стоили огромных денег и были не хуже топографических карт. Ах, как смешно топтались в бочках с виноградом «ожившие» благодаря магии человечки. Или в трактирах можно было разглядеть выпивох-крестьян. Помнится, пока родители были живы, мы с папенькой любили играть в подобное. Папа был сильным картографом, а потому его дар позволял оживлять целые участки холста настолько реалистично, что иногда я невольно пугалась хищников в лесах.

В академии тоже играли, но, увы, карты были самые обычные, неодушевленные, с простыми статичными картинками. Впрочем, это не мешало мне достаточно уверенно доходить до финиша. Правда, победителем неизменно выходит Анри Бошениар с факультета менталистики, но я уверена, он жульничает и пользуется даром. Конечно, на нем висит амулет, но слишком уж он хорошо играет. Разве так бывает, чтобы за два года ни одного проигрыша?

— Судя по тому, что с чердака вытащили живые холсты, вам выдастся возможность поиграть с дофином.

Оживилась. Вот уж где я могу проявить свои недюжинные таланты. Ведь чтобы хорошо сыграть, нужно неплохо знать

экономику, стратегию, логику. Определенно, надо добиться игры с дофином.

— А пока отрабатываем реверансы и поклоны! Особенно те мадемуазели, кто записался на отбор.

При этих словах мэтр Шарль красноречиво посмотрел на меня. Что уж скрывать. Я и Армель в первой десятке.

Девочки, которые были обручены, а значит, в отборе не участвовали, естественно, заметили взгляд учителя и теперь похихикивали над моим реверансом. Подумаешь! Хотя, конечно, первое впечатление очень важно. Вдохнула. Попробуем еще раз!

ГЛАВА 2

Я стояла перед списком и не могла поверить. Сорок две претендентки! Думала, нас будет человек двадцать. А тут... Арно и Батьи вообще обручены. Или они поступили, как Амелия? Ужас какой! Как можно отказаться от своего слова? Придирчиво осмотрела список. И, как назло, для меня конкурентки почти все — кроме двух-трех девочек. А в свите дофина всего пятеро.

Я, кстати, недавно вернулась из библиотеки. Не могу сказать, что нашла там что-то конкретное, но, когда имеешь чуточку мозгов, все выстраивается вполне логично.

Итак, сразу же после своего двадцатилетия наследный принц объявляет отбор и отправляется в столичный университет. Если там невесты для себя не находит, выезжает в магические академии. И что примечательно — фавориты принца ищут себе невест тоже из числа конкурсанток. Значит, я поступила верно, записавшись!

Сделала выборку по восьми последним королевам и занесла сведения в общую табличку. Все именитые дворянки, оно и так понятно. Но всего две были маркизами, одна герцогиней, а остальные лишь дочерьми баронов. Ясно, что дело совершенно не в титуле. И явно не в неземной красоте претенденток. Я только двух назвала бы редкими красавицами, остальные обычные, одна вообще откровенно страшенькая. Богатый внутренний мир? Возможно. Отличницами тоже ни одна не была (я воспрянула духом).

Я даже составила звездные гороскопы для королев. Ничего общего — ни знаков зодиака, ни Юпитера в доме Венеры... Но должно же быть что-то! Подумаю за ужином.

Сегодня за столами было необычно мало народу. Что, все девчонки решили экстренно худеть? За пару дней? Бред какой-то. Оглядела собравшихся. Всего пара женских «островков».

Любое учебное заведение, а особенно то, где есть женский коллектив, обречено на появление «кружков» по интересам. В каждом из них время от времени одна из девочек решает, что она красивее, умнее, богаче, родовитее, чем остальные, и начинает задирать нос. Собственно, у нас такие группировки тоже были. И сейчас члены одной из них во главе с Атенаис разглядывали меня с ехидцей в глазах.

Украдкой осмотрела себя — костюм не испорчен, коса не растрепалась, даже руки, против обыкновения, чернилами не испачканы. Что им от меня надо? Или это реакция на мое участие в отборе? Ведь сама Атенаис при всей своей красоте не рискнет отказаться от жениха.

— Амели, а фавориток дофина ты видела?

— О да! Фрейлину ее величества Луизу де Марсуа. Она блистала в позапрошлом сезоне, — охотно откликнулась первокурсница, ставшая сегодня центром внимания не хуже любимой фаворитки дофина. — Но его высочество не слишком постоянен. Говорят, за прошедшие четыре года он сменил уже шесть любовниц, — шепотом сообщила девушка всем присутствующим.

Подумать только! Шесть. Я едва не поперхнулась. И замахнулся на фрейлин ее величества! Обычно для дофина и придворных повес на роль фавориток подбирали девушек из семей разорившихся мелкопоместных дворян, зачастую бесприданниц без надежды на хороший брак. Через год или два такие девушки покидали двор с солидным приданым и выходили замуж где-нибудь в провинции. Для них был придуман определенный термин — «не бывшие замужем вдовы».

По-моему, это унижительно. Лучше монастырь, чем продавать свое тело мужчине, выбравшему тебя, как игрушку! Безусловно, какие-то права у «вдов» были, но отказаться от покровительства мужчин, если они пришлось ей не по нраву, девушка могла лишь дважды. Если она отказывалась и в третий раз, ее возвращали родителям. Фактически опозоренную. Кто же

поверит, что, побывав при дворе в роли «вдовушки», она осталась чиста? А порченная, без приданого, кому нужна подобная девица? Вот и жили такие «бабочки» во дворце, пока не прогонят. Ужасно!

Фрейлин же отбирали более тщательно, поэтому как могла оказаться среди них фаворитка? Девушка с фактически подмоченной репутацией. Задумчиво уставилась на Амели, может, она не так поняла дворцовые слухи.

— И что? Среди них была хоть одна чернявая низкорослая девица? — вскинув бровь, поинтересовалась Атенаис, перебрасывая на грудь толстенную золотую косу.

— Что? Нет конечно же! — Амели звонко рассмеялась. — Все фаворитки дофина высокие голубоглазые блондинки. С безупречной алебастровой кожей.

Тайком поглядела на свою слегка загорелую руку. Говорил мне дед не сидеть на солнышке без зонтика. А теперь что? До алебастра мне никак не дотянуть, даже прими я молочную ванну, ноги не удлинить: я одна из самых низеньких на потоке. Да и черные кудри не выбелишь. Завидую блондинкам!

Призадумалась, кто же из сорока претенденток отвечал вкусам дофина, и расстроилась — каждая вторая. Смену моего настроения заметила Атенаис. Красавица усмехнулась и сказала достаточно громко, чтобы слышали и за соседним столом:

— Надеюсь, ты понимаешь, Эвон, что у тебя нет ничего, что могло бы привлечь дофина. Даже имя скучное и невыразительное.

Я вспыхнула. Обидно, что она так — при всех. Тем более к нам начали прислушиваться и мальчики. Что я сделала лично Атенаис? Улыбнулась через силу (помнить, улыбчивые девушки более привлекательны).

— Может, дофина потянет на экзотику? В толпе блондинок я выгодно выделяюсь.

Задрала подбородок и стиснула зубы. Я не собираюсь сносить насмешки. Тут только раз позволю загнать себя в угол — не выберешься никогда. Я достаточно на это насмотрелась. С другой стороны, раньше я была довольно благоразумна, чтобы не нарываться на открытый скандал с девичьими группировками.

— О! У мадемуазель Эвон такие глаза! Огромные, блестящие! — восхищенно прочирикала Амели, не заметив напряженной ситуации. — Ей бы немного косметики, и дофин точно обратит на нее внимание.

— У Эвон глаза, как у глупой коровы, — перебила первокурсницу Атенаис. — Неужели ты настолько глупа, чтобы этого не видеть?

Амели притихла, испуганно разглядывая злую старшекурсницу. Весь день девочка была в центре внимания, а тут внезапно что-то изменилось, и Амели не сразу могла понять, с чем это связано.

А вспышка Атенаис заставила меня недоумевать. Почему именно на мне она срывается? Потому что сама не может даже попытаться стать невестой дофина? Почему не на Изабелле, своей подруге, которая также записалась на отбор, а на мне, никому не известной, ничем не выделяющейся девице. Неужели она видела во мне претендентку на трон? Глупо. Или ее бесил сам факт, что она, такая красавица, осталась не у дел, а любая «серая мышь» может попытаться счастья.

— Но ведь... — Амели наконец сфокусировала свой взгляд на мне, кажется, с пониманием происходящего. — Нет, я уверена, у Эвон удивительные глаза. Как у лани.

— Ты совершенно точно глупа! — раздраженно бросила Атенаис и, скомкав салфетку, поднялась из-за стола. — Изабелла, Луиза, пойдемте. Нам нечего здесь делать.

Я проводила Атенаис удивленным взглядом. Надо подумать над причиной этой вспышки, заодно и над последствиями: эта гордячка не такой человек, чтобы просто так проглотить подобное. Я не параноик, но за здравую осторожность.

— Что это с нашим Цветочком?

Я оглянулась на только что подошедшую Армель и демонстративно пожала плечами. Разве тут поймешь! Может, Атенаис знает что-то, чего не знаю я? Например, что наследник графа де Армарьяка обожает маленьких черноволосых девушек? И оттого злится, что из всех, подавших заявку, я одна такая, а значит, точно пристроена? Ну, так со свитой может попытаться счастья любая, главное, чтобы была свободна. Вдруг им понравятся и другие девушки. А черноволосых девиц у нас тут половина академии.

— Девочки, — между тем зашептала Армель, подманивая меня и Аврору — миловидную блондинку, которая тоже была претенденткой. — Я тут раздобыла альманах за прошлый месяц.

— И что? — Я удивленно вскинула брови, рассматривая подругу, которая торопливо намазывала мягкий сыр на тост.

— Эвон, ты балда! К нам приезжает дофин! А мы что?

— Что? — испуганно пискнула взволнованная Аврора.

— А мы провинциальные девчонки, — подытожила Армель, не прекращая жевать. — Ни платьев по последней моде, ни причесок, ни макияжа. Он приедет и так же уедет, решив, что поторопился с решением насчет девушек из столичного университета!

Определенная логика в словах подруги была. Дофин наверняка привык к редкостным красавицам и пресыщен женским вниманием, раз уж «вдовушки» его перестали устраивать и он перешел на фрейлин. Мы можем оказаться в невыгодном свете.

— В провинции так тоскливо, — шепотом согласилась Амели, придвигаясь к нам поближе, после вспышки Атенаис она явно чувствовала себя неуютно. — Ни новых шляпок, ни лент. Даже вышивают то, что модно было три сезона назад.

Я застыла как вкопанная. Ну конечно же! Мы совсем отстали от моды, и искушенному дофину будет скучно среди нас. Как я об этом не подумала? Прислушалась к общим разговорам за столом. Девочки жадно обсуждали, как украсить шарфиками школьную форму: «Говорят, в столице нынче модны шарфы-банты». В общем, все обсуждали одно и то же.

— Ты думаешь, мы совершенно немодные? — пораженно воскликнула Аврора, часто захлопав глазами. — И дофин разочаруется в нас?

— Как пить дать, — важно кивнула Армель, вставив фразу, которую часто повторяла повариха, когда мы приходили на кухню за порцией сладких слоев с яблоками, — потому приглашаю тебя сегодня к себе. Будем вдвоем тренироваться делать прически, как на картинках. Только тайно.

— Почему тайно?

Иногда наивность Авроры раздражает. До сих пор не понимаю, зачем Армель привела ее к нам в компанию. Вечно мямлит и не сразу понимает, что мы задумываем.

— Потому что собираться после отбоя запрещено, милая.

Аврора смутилась и покраснела от покровительственного голоса Армель. Блондинка согласно кивнула, подтверждая намерение прийти посмотреть альманах.

Все-таки умная у меня подруга. Мне даже в голову не пришло, что нас могут принять за деревенщин, а наши наряды далеки от изыска. Все же вокруг так ходят: темно-синее пла-

тье с глухим воротом и съемными кружевными воротничком и манжетами. Не очень пышный, без украшений наряд символизировал смирение и, по замыслу директора, не отвлекал от учебы. Ни нас, ни мальчиков. А ведь мы юные леди! Должны быть полны грации и изящества. Мне шестнадцать, в конце концов, а я еще ни разу не надевала бального платья. Подумать только — кому Расскажи, засмеют.

Хотя есть у нас с Армель последний аргумент: все прошлое лето мы учились целоваться. На виноградниках. Об этом писали в столичном альманахе, утверждая, что любая уважающая себя девушка обязана уметь целоваться, чтобы не казаться полной дурочкой. Правда, там советовали брать персики, но персиков у нас не было, зато винограда в избытке, но разница ведь небольшая?

— Что у тебя, Жаннет?

После громкого вскрика все разом повернулись к Жаннет, которая, поглощая тыквенную кашу, с интересом изучала пергамент. Все девочки вытянули шеи, силясь разобрать, что же такое интересное рассматривает баронесса.

— Схема кружевного воротника. Думаю, за пару ночей свяжу. Последнее веяние моды!

Девочки вскочили со своих мест и, возбужденно перешептываясь, подошли к сидящей Жаннет. Кто-то запоминал, кто-то украдкой перерисовывал основные узлы прямо себе на ладонь. Я расстроилась. Ни вязать крючком, ни плести на коклюшках я не умела. Все мои воротнички делала Армель. И если себе она вполне успеет сплести новое модное кружево, то я точно останусь со старым!

— Плести ночью? А как же цвет лица, Жаннет? — глубоко-мысленно заметила первокурсница с целительского. — От недостаточного сна твоя кожа может побледнеть, а под глазами появиться круги. И глаза покраснеют.

Студентки, как одна, отшатнулись от схемы Жаннет, будто от чумы. Все прекрасно знают, какими мы «красавицами» станем после ночей перед экзаменами.

— А косметика на что?

Все ахнули и зашептались. Краситься нам запрещали даже безобидными белилами. Помнится, я очень страдала на первом курсе, когда не могла ими воспользоваться и осветлить кожу.

— Но ведь классные дамы... — Аврора испуганно обернулась на преподавательский стол, уже, правда, почти пустую-

щий, а то бы нам никто и никогда не разрешил такое столпотворение.

— А что они? Появлюсь за пару минут до встречи с дофином. Умываться меня точно не отправят. Ведь его высочество обязаны встречать все претендентки.

Замерла с открытым ртом. Вот уж не думала, что Жаннет такая хитрая. И ведь она права. Кто отправит нас в ваннные комнаты, если дофин уже на пороге? И у меня есть шанс предстать перед принцем набеленной и нарумяненной. И, возможно, даже с помадой. Если Армель поделится.

— Девочки! — приглушенно пискнула Аврора.

Мимо прошли классные дамы, и все поспешно расселись по местам.

А я лихорадочно думала. В свете сегодняшних событий мои и так невеликие шансы падают все ниже и ниже. Мало того что я не голубоглазая блондинка, а совсем наоборот, так еще мне не светит красивый воротничок или бант. Точно стоит сделать упор на прическе и косметике. Краситься я, откровенно говоря, не умею, но у Армель есть журнал. Надо сегодня попробовать, чтобы уж послезавтра все прошло как по маслу и быстро, осталось бы время выспаться.

Мальчишки за соседними столами посматривали на нас с досадой. Еще бы! Обычно ужин — это время флирта. Четверкурсницы кокетничают с юношами, присматриваясь к возможным партиям. Ведь когда заключать договоренности о браке, если не на последнем курсе? А вдруг бывший сосед за ближайшим столом придет к папеньке просить твоей руки сразу после выпуска?

А так как наша академия вторая по престижу в стране и обучение здесь стоит недешево, у нас нет никого из обнищавших семей. Родители студентов уже на первом курсе знают все самые знатные фамилии и выгодные партии. Ну и любовь! Думаю, всегда приятнее, если дети женятся по любви. Дедушка мне всегда советовал смотреть в оба и найти себе жениха по сердцу. Ничего, если не самого родовитого, зато хваткого и ладного. Я и искала. А чем дофин не хваткий?

— Мадемуазели. — Короткий кивок подошедшей классной дамы. — Я попрошу всех, кто участвует в отборе или только планирует записаться, пройти со мной.

Мы обеспокоенно переглянулись. Что это может быть? О чем с нами будут говорить? Мы нестройной толпой потяну-

лись за классной дамой. Все те же сорок девочек. Неужели никто больше не желает побороться за место королевы? Я тайком оглядела соперниц. Не так уж все и плохо. Да, конечно, Армель красавица. И Аврора хороша, и Антуанетта, даже Луиза миленькая, но остальные не настолько хороши, чтобы привлечь к себе внимание дофина и его свиты. Хотя, конечно, я не знаю вкусов приближенных дофина. Возможно, кто-то любит рыженьких, таких, как Анна.

Нас провели в один из учебных классов, где предложили сесть за парты. Мы же, столпившись у входа в аудиторию, во все глаза рассматривали трех незнакомых мужчин в черных одеждах. На груди каждого из них красовались нашивки с черным вороном. Знак менталистов. Боже всемогущий! Кто-нибудь мне объяснит, зачем нас привели к взрослым магам, которые глядели на нас недружелюбно?

— Присаживайтесь, мадемуазель, — услышала я над ухом мужской шепот, пока раздумывала, зачем же нас позвали.

Испуганно вздрогнула и оглянулась. Все девочки уже расселись, боязливо поглядывая на магов. И было чего бояться! Одного свидетельства менталиста порой хватает, чтобы отправить на плаху. Не думать о плохом! А о чем? Например, о кружевах, прическах. Покорно прошла к свободной парте и опустилась на стул.

Мужчина за моей спиной, четвертый маг, не замеченный мной сразу, лишь хмыкнул и отошел к окну. А я... я не могла побороть любопытства — то и дело косилась в сторону закутаных в черное фигур.

— Как вы понимаете, мадемуазели, приезд дофина — это не только конкурсный отбор на место будущей спутницы жизни его высочества, но и определенные меры безопасности, — сказала классная дама.

Было видно, что ей тоже неуютно рядом с менталистами, по крайней мере, ее голос дрожал и она то и дело косилась в сторону мужчин.

— Поэтому завтра многоуважаемые меcье, а также королевские врачи побеседуют с вами. Прошу обратить внимание, что разговоры пройдут в южном крыле на втором этаже после завтрака.

— Я попрошу прелестных девушек не надевать на встречи амулеты и артефакты, которые могли бы скрыть ваши мысли,

а также отказаться от украшений, — добавил один из менталистов.

Смотрел он почему-то при этом на меня. Непонятно. Никаких артефактов у меня нет. Украшений и подавно. Чем же моя персона так не понравилась мужчине? А может, у меня какая-нибудь врожденная защита от проникновений в мысли? Было бы здорово! Самое потрясающее качество для будущей королевы. Щит от ментального воздействия. С таким, поди, поспорь. Довольно улыбнулась менталисту.

Мужчина откровенно потешался надо мной. Но если у меня все-таки есть защита, то почему он так смотрит на меня? Может, меня выдает выражение лица? Дедушка говорил, что у меня очень выразительная мимика. Ну конечно же! Менталисты весьма опытные, начинающих специалистов к нам бы не послали, это точно, а значит, замечают малейшие движения бровей, губ. Да мало ли! Говорят, у нас тоже есть такие занятия. По крайней мере, Бошенар уверяет, что обыгрывает меня в настольные игры именно по этой причине.

— А зачем? — испуганно пролепетала со своего места Авра.

Все четверо мужчин перевели взгляд на сжавшуюся девушку. Мне даже стало жаль подругу. Вот зачем было спрашивать? Если надо, значит, надо. Менталистов тоже наверняка не прельщает вслушиваться в мысли о шляпках, воротничках, балах и белилах. Как будто интереснее работы, чем влезать в головы провинциальных дурочек, им не придумали.

Один из «воронов», самый мрачный, хмыкнул, перевел взгляд в сторону окна и словно нехотя ответил на вопрос Авры:

— Мы обязаны проверить, что имя вписано вами по доброй воле и вы не замышляете ничего плохого против дофина и его фаворитов.

Сразу стало понятно, кто главный. Интересно. Он сильнее всех или родовитее? Не то чтобы я уже планировала переключиться на начальника менталистов. Тем более он же старей! Нет, конечно, жених Атенаис тоже старше ее на десять лет, но мужчина в черном — лет на двадцать. Не меньше!

Трое младших менталистов так иронично улыбнулись, что я засмушалась. А что, если на мне нет врожденной ментальной защиты? Ученики в нашей академии с факультета мыслечтения носят специальные амулеты, блокирующие их дар. А на

приезжих ничего подобного я не заметила. Значит, их дар работает на полную катушку? И каково это — оказаться в одной комнате с сорока девочками, взбудораженными приездом дофина?

— Позвольте откланяться. — Мужчина поклонился и вышел.

За ним потянулись его спутники, и мы остались наедине с классной дамой. Девочки возбужденно зашептались. Армель, со своего места мне было хорошо видно, закатила глаза.

И ради этого нас собирали? Напугали до икоты (я не шучу, Жаннет силилась успокоиться) ради двух фраз. Или хотели проверить, сколько девочек носят амулеты. Любопытно! Может, они просто привыкли иметь дело со столичным университетом и его искушенными красавицами, которые, говорят, даже без маскирующих амулетов из комнат не выходят. Чтобы казаться свежее и более отдохнувшими. Или скрыть — о ужас! — вскочивший прыщик на лице.

Классная дама, поморщившись, отпустила нас жестом, и мы нестройной стайкой выпорхнули из кабинета.

— Как думаете, зачем нас будут осматривать врачи? — удивленно спросила Аврора.

— Конечно, чтобы проверить, что мы здоровы и способны родить наследника. — Я отмахнулась от такого глупого вопроса. Это же так логично.

— А еще проверить, девушки ли мы, — шепотом поправила меня Армель, порядком покраснев.

Мы остановились и синхронно перевели взгляд на Жаннет. Ходили слухи, что этим летом баронесса потеряла честь с одним из студентов боевого факультета. Правда, слухи распускал сам Квентин де Арнуа, который, как известно, тот еще сплетник и выдумщик, а значит, его слова нельзя считать истинной в последней инстанции, но Жаннет так до конца и не избавилась от грязных намеков. Изредка к ней подходили мальчишки с пошлыми предложениями, которые она отвергала с удивительным спокойствием.

Конечно, в академии следили за нравственным поведением своих студентов, ведь родители, отдавая девушек в учебное заведение, не могли контролировать дочерей. А иногда честь служила тем «решающим» приданым, которое могла принести мадемуазель в семью жениха. Впрочем, случаи, когда девушка лишалась невинности еще до выпуска из академии, бывали, но

крайне редко. Обычно такие пары и женились. Не зря Квентин добивается Жаннет, хотя, возможно, эти слухи он распустил для того, чтобы быстрее склонить ее к браку? Тогда это очень жестокий вариант, потому что над бедной баронессой все подшучивают, даже другие девочки.

Я стараюсь не обращать внимания на сплетни, но иногда мне так и хочется спросить: «Каково оно?» — то самое томление и сладостная нега, описанные и воспетые в книгах. Ведь если я пройду отбор, мне тоже нечто подобное предстоит. А там... ох, фантазия пасует. Щеки предательски покраснели, и я взволнованно оглянулась. Не видел ли кто? Не догадался о моих мыслях? А то позора не оберешься.

— Как думаете, что за конкурсы будут?

К нашей стае прибилась Марго, которой было в ту же сторону, что и нам. Женское крыло большое, и нам с Армель повезло оказаться в смежных комнатах. Многие девочки были разлучены с подругами. Марго жила через две комнаты от нас, и потому неудивительно, что вечерами она частенько оказывалась в нашей компании.

— Наверняка поэтический, — уверенно сказала Жаннет. — Я слышала, королева должна обладать утонченным вкусом.

— А я думаю, на знание иностранных языков, зря мы, что ли, на каждом занятии мадам Жозель их учим. Судя по всему, программа составлена под требования дофина, — глубокомысленно изрекла Армель. — Вспомните, ведь именно с подачи Луи Первого женщин обязали проходить обучение централизованно. И он же первый нашел себе королеву с помощью отбора.

Ох! Тогда нас ждет этикет, верховая езда, искусство, в том числе и рисование с вышивкой, которые мне никак не даются, танцы и риторика! Это если рассматривать все занятия, которые у нас идут независимо от факультета.

— Получается, тогда все общие предметы? — Я тяжело вздохнула.

Мой вздох поддержали остальные девочки. У каждой из нас были свои провальные предметы. Мне за вышивку не ставят удовлетворительно только из-за хороших оценок по другим предметам, в том числе профильным. Потому даже не знаю, что мне демонстрировать. Не петь, уж точно! Я пою неплохо, но на фоне остальных девочек неважно.

— Не забудьте, после отбоя, — заговорщицки напомнила нам Армель, показывая краешек альманаха из сумки.

Как можно забыть про прически! И шарфики. Ведь это пока единственное, на что я делаю ставку. Из богатств, которыми меня одарила природа, я могла похвастаться только густыми волосами да глазами. И чтобы я не подчеркнула хоть что-то из этого? Не бывать подобному!

Мы с девочками дружно переглянулись и кивнули. После отбоя, да!

ГЛАВА 3

Прежде чем отправиться на завтрак, остановилась ненадолго около списка. Все так же сорок две фамилии. Даже странно, ведь скоро лист станет «глух» к новым именам. Неужели нас на всю академию только сорок с небольшим отчаянных девиц? А если дофин не найдет себе королевы и здесь? Отправится в Бордо? Но та академия совсем маленькая. Вряд ли там наберется нужных девиц больше, чем у нас. Бедненький принц!

Вера в то, что у нас учатся одни красавицы, пошатнулась этой ночью, когда мы жадно листали альманах Армель. И мы никоим образом не походили на мадемуазелей, нарисованных на обложке. Те высокие, почти вровень с месье, ведущими их под ручку. А мы? Самая высокая Атенаис, но даже она тому же вчерашнему менталисту едва достала бы до подбородка. А я? Я, если встану на цыпочки, дотянусь до плеча. У Жаннет, конечно, было предположение, что на картинках просто мужчины низенькие или девушки в туфлях на высокой платформе, как раз на таких, какие описывала Амели. Но кто поручится?

И вырезы на платьях, что грудь чуть не выпрыгивала. И рюши, и веера! А корсеты? У мадемуазелей на картинках были такие тонкие талии, что, казалось, обхвати руками — переломятся. Мы с девочками осмотрели себя со всех сторон и вынуждены были признать: наши фигуры безбожно толсты, и уж точно в глазах дофина будем выглядеть деревенскими дурочками.

А прически! Мы с Армель час таращились на изображения дам и недоумевали.

Мне в голову даже пришло, что повторить прически просто невозможно. Ну, посудите сами: на голове у дам были корабли-

ки, странные арки, даже солнышки с лучиками-косичками. Разве подобное можно воссоздать? Мы с девочками нашли те, которые, как казалось вначале, будет легко сделать. Прицепили журнал к шкафу с помощью магической булавки и столпились вокруг сидящей на стуле Авроры. Подруга была ни жива ни мертва, пока мы втроем — я, Армель и Жаннет — обсуждали, как должны идти косы. Фигурки кораблика у нас не было, и мы решили использовать яблоко. Переплетем множество косичек поверх. Аврора даже станет чуточку выше.

Хорошо все-таки, что мы решили попробовать сделать прически заранее: за какую бы мы ни брались — ни одна не получалась. Авроре даже чуть прядку волос не выдрали в попытке повторить увиденное. Она тут же предложила поменяться местами, и мы все по очереди посидели на стульчике, с тревогой вглядываясь в пришпиленный к шкафу альманах.

Нет, в конечном итоге что-то отдаленно похожее у Жаннет и Авроры получилось. Им даже шло — этикие взбитые, словно воздушное мороженое, локоны с основной копной волос, заколотой шпильками. Но мои кудри не держала ни одна шпилька, даже магически усиленная. Да и нельзя носить артефакты. Что тогда?

Армель из солидарности со мной сказала, что прическу делать не будет. Глупая, глупая девчонка! Ей же надо привлечь внимание дофина. И какие у нее волосы — мягкие, будто лебяжий пух, светлые, точно луговой мед.

Почему именно мне не повезло? Почему именно мне не пошел ни один тип макияжа, который знала Жаннет? Ну ладно, предположим, она могла накрасить только двумя способами. Но оба шли только ей и Армель с Авророй. А я? Неужели моя судьба — предстать в невзрачном виде перед дофином? Мне подошел только блеск для губ из пчелиного воска, и я страдала весь завтрак. Девочки никак не могли расшевелить меня.

Да и вид от недосыпа у меня наверняка тот еще. Хотя, возможно, нахлынула аристократическая бледность? Или легкая синева под глазами? Если так, вполне можно не поспать и перед приездом дофина, а то плохие белила у Авроры не замазывают моей смуглой кожи.

В обеденном зале кусок в горло тоже не лез. Во-первых, Атенаис как-то неуволимо накрасила свою подругу Луизу, отчего та выглядела потрясающей красавицей. И глаза лучистые, и губы, очерченные элегантным бантиком, словно стали боль-

ше. И даже осанка как будто изменилась. Во-вторых... менталисты. Нет, не три стола с гогочущими парнями, а сидящие рядом с преподавателями четверо мужчин. Мне казалось, «вороны» сверлят взглядами исключительно наш стол. Чем мы их так заинтересовали? Или не мы? А кто? Аテナис с Луизой? Или Изабелла? Все знали, что Белла искусна в зельях, может, она планирует подлить дофину приворотное? А что? Говорят, при дворе такое сплошь и рядом. Почему не у нас в академии?

Менталисты явно развлекались за наш счет. За счет провинциальных дурочек, в жизни не видевших высший свет. Мы же не столичные девушки, которые легко могли прийти на ежесезонные балы ее величества. Ко двору, конечно, полагалось выезжать всем в восемнадцать, даже провинциалкам, но по большей части девицы в этом возрасте были уже замужем или на сносях. Помолвки разрешалось заключать с шестнадцатилетними, а жениться уже на последнем курсе. Говорят, раньше сочетались браком в тринадцать, только в таких семьях частенько вырождались магия, и королевским приказом запретили так рано создавать союзы.

На королевских раутах умудрялись бывать только учащиеся столичного университета. Остальных растили без призрачной иллюзии о привилегированном обществе. А там уже, если повезет, муж представит тебя ко двору. Но, говорят, не возят, ибо развратное это место — дворец. Тот же кардинал, представитель духовной власти, тонкий ценитель девичьей красоты. И как такому лицу отказать? А ни одному мужику рогов не хочется. Хотя, думается мне, все зависит от девицы: коли кровь гнилая, так рога и дома вырасти могут, ведь так?

Менталисты осматривали зал, откровенно ухмыляясь, сальный молодой из них даже неприлично скалил зубы. Старший только хмурился и поглядывал на наш стол. Неужели-таки Белла? А может, я? Впрочем, что я могла «такого» сделать? Мысли об иммунитете к ментальному воздействию заманчивы, но думаю, что нет. Да и как в таком всеобщем гомоне мыслей вычленили бы конкретно мои? Или кого-то другого за нашим столиком? Возможно, взгляды в нашу сторону обусловлены чем-то другим?

Повертела головой, оглядываясь, и тут меня пронзила догадка. Классная дама! Сегодня она аккуратно стояла около нашего столика. А что? Она еще не старая. Не старше двадцати пяти, миловидная, из рода обедневших баронов. Не пошла по пути

«вдовушки», а тихо и смиренно зарабатывает на хлеб насущный в академии, следя за нашим нравственным воспитанием да разнося классные журналы по кабинетам. Неужели «ворон» положил глаз на мадемуазель Лауру?

Ведь это шанс для классной дамы. Я взволнованно оглянулась на Армель, сигнализируя глазами о чем-то необычном. Она моих подмигиваний не поняла и удивленно уставилась на менталистов. Ну же, подруга! Мы просто обязаны помочь мадемуазель Лауре. Сколько раз она выручала нас, не докладывая начальству о ночных посиделках. Или приносила теплый плед в гостиную, где мы вышивали лентами, выполняя задание к уроку.

— Слышали? — К столу подбежала взволнованная Адель, которая конечно же уже пропустила завтрак, но была так возбуждена, что забыла напрочь о нем. — Приехала свита дофина! Камердинеры, охрана, лекари. Все!

При словах «свита дофина» я едва не подскочила. Неужели пятеро фаворитов тут? Но потом успокоилась. Всего лишь прислуга. Правда, все равно единым с остальными девочками порывом подскочила к окну. Во дворе действительно было многолюдно: сноровистые слуги распрягали лошадей и разгружали повозки, туда-сюда сновали люди с поклажей. Молоденькие пажи, похоже, те юные дворянчики, что не обладают магией (из запечатанных в свое время родов), брезгливо морщились, поглядывая на цветные витражи академии.

Меня несколько смутило, что одеты они были совершенно не так, как в нашем с Армель альманахе. Нет, конечно, менталисты тоже ничего общего не имели с картинками из журнала, но ведь на то они и... «вброны». А пажи? Разве не должны они следовать столичной моде? Или у них форма?

Узкие до неприличия брюки, удлиненные рубашки, перетянутые яркими кушаками, и распахнутые на груди жилетки. Именно такими предстали пажи перед жадно пожирающей их глазами девчачьей толпой. Они были настолько необычны, что мы все — две или три сотни учениц, облепивших окошки, разом, словно нам скомандовали, развернулись и удивленно осмотрели своих однокурсников-парней. Ничего общего!

У наших мальчиков были широкие синие штаны, просторные рубашки и курточки с накладными карманами. Все в выдержанной темно-синей гамме. И никаких ярких кушаков.